

УДК 316

DOI 10.18522/2227-8656.2020.2.11

**ЭТАПЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ
МОБИЛЬНОСТИ
РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ
В ЭПОХУ ГЛОБАЛЬНОЙ
ИНФОРМАТИЗАЦИИ:
ФАКТОРЫ РИСКА**

**STAGES OF PROFESSIONAL
MOBILITY OF RUSSIAN
YOUTH IN THE ERA
OF GLOBAL
INFORMATIZATION:
RISK FACTORS**

Мищенко Дмитрий Николаевич

Соискатель,
Институт социологии и регионоведения,
Южный федеральный университет,
г. Симферополь, Россия,
e-mail: svet_crimea@list.ru

Dmitry N. Mishchenko

Applicant,
Institute of Sociology and Regional Studies,
Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia,
e-mail: svet_crimea@list.ru

В статье предлагается стратегия исследования проблемы профессиональной мобильности российской молодежи с позиций выявления факторов риска, формирующихся на каждом этапе данного процесса. Среди них автор выделяет такие, как профессиональное самоопределение (профессиональный выбор), профессиональное образование (обучение в рамках выбранной специальности, профессии) и профессиональная адаптация (вхождение в профессию на рынке труда). В ходе исследования делается вывод о том, что, во-первых, профессионализация молодежи на всех ее этапах детерминирована влиянием глобального фактора информатизации как

The article proposes a strategy for studying the problem of professional mobility of Russian youth from the perspective of identifying risk factors that are formed at each stage of this process. Among them, the author highlights such as: professional self-determination (professional choice), professional education (training within the chosen specialty, profession) and professional adaptation (entering the profession in the labor market). The research concludes that, first, the professionalization of youth at all its stages is determined by the influence of the global factor of Informatization as a consequence of the paradigm shift in the socio-cultural dynamics of the modern world, otherwise called "mobile turn". This "turn"

следствия парадигмального поворота в социокультурной динамике современного мира, иначе именуемого мобильным поворотом. Этот поворот значительно трансформировал процесс профессионализации молодежи и понятие мобильности, в том числе профессиональной. А, во-вторых, российская молодежь, включенная в ареал влияния глобального процесса формирования мобильного мира, подвержена воздействию сугубо российских факторов социокультурной трансформации, что находит выражение в кризисных факторах функционирования системы профессиональной социализации молодежи и распространении рисков социальной инфантилизации молодежи. И в профессиональном развитии молодежи данный негативный процесс находит выражение самым непосредственным образом.

Ключевые слова: молодежь; мобильность; профессиональная мобильность; риски профессиональной мобильности; профессиональное самоопределение; профессиональное образование; профессиональная адаптация.

has significantly transformed the process of professionalization of young people and the concept of mobility, including professional mobility. And, secondly, Russian youth, included in the area of influence of the global process of forming a mobile world, is exposed to purely Russian factors of socio-cultural transformation, which is expressed in the crisis factors of the functioning of the system of professional socialization of youth and the spread of risks of social infantilization of youth. And in the professional development of young people, this negative process finds expression in the most direct way.

Keywords: youth; mobility; professional mobility; risks of professional mobility; professional self-determination; professional education; professional adaptation.

Введение

В современном мире мобильность становится тем свойством личности, без которого сложно реализоваться в различных сферах жизнедеятельности, прежде всего в профессиональной. Мобильность, проникая во все жизненно важные сферы жизнедеятельности общества – в сферу образования и труда, семьи и досуга, стала ключевым фактором социокультурной динамики современного мира, который недаром получил название мобильного мира (Урри, 2012. С. 200). В нем особую значимость приобретает новый вид капитала – капитал подвижности (*motility capital*) (Kaufmann, 2002. P. 103), и в сфере профессионально-трудовой деятельности он способен компенсировать отсутствие или недостаток другого вида капитала (интеллектуального, финансового и т. д.). Если в прежние времена стандартом профессионализации выступало поступательное восхождение на вершины профессионального мастерства и профессиональной карьеры в границах одной профессии, то на современном этапе эти стандарты претерпели значительные изменения, и профессиональный успех во многом стал

определяться готовностью субъекта профессиональной деятельности к переменам в профессиональной сфере, способностью к изменениям в профессиональной траектории, вплоть до кардинальной смены профессии.

Такая ситуация сформировалась в условиях информационной эпохи, требующей от специалистов способности к непрерывному профессиональному становлению и модификации в соответствии с социальными тенденциями, связанными с новой парадигмой развития мобильного мира. Эта парадигма базируется на признании того факта, что подвижность, ситуативность, перемены, процессуальность выступают движущими факторами, определяющими способ организации жизни человека в современном мире. Эти факторы напрямую связаны с мобильностью как признаком современного мира и олицетворяют социокультурное бытие в целом (Невелева, 2017. С. 104). Иными словами, мобильность становится синонимом современности, порождая новые риски, которые условно можно так и назвать – риски мобильности.

Применительно к сфере профессиональной деятельности речь идет о рисках профессиональной мобильности, наиболее актуальных для молодых поколений российского общества по следующим причинам. Во-первых, российское общество длительное время находится в кризисном состоянии, и наиболее выражено кризис проявляет себя на рынке труда, в том числе молодежного, поскольку, по справедливому заключению социологов, молодежь относится к одной из наименее защищенных групп, в первую очередь попадающих под различного рода риски рыночных отношений (Тощенко, 2018. С. 189). Во-вторых, сам мобильный поворот, которым ознаменовалась эпоха современного информационного общества, стремительно ворвавшись в социокультурное поле российского общества, поставил под вопрос традиционные адаптивные практики и технологии в профессионально-трудовой сфере. В этой ситуации масштабный кризис российской системы профессионализации молодежи усугубляется тем, что в пространстве профессиональной социализации и адаптации молодежи еще не выработаны адекватные новой информационной эпохе механизмы, отвечающие критериям мобильности эпохи, мобильности рынка труда (Бекова, 2018).

Социологическое осмысление рисков профессиональной мобильности российской молодежи в условиях современного мира, поставившего самым серьезным образом вопрос об адаптивности человека к вызовам внешней среды в координатах проблемы мобильности, возможно в контексте различных исследовательских стратегий. Нам

представляется возможной стратегия, связанная с анализом рисков профессиональной мобильности как рисков, привязанных к этапам профессионального становления и развития молодежи. Всего нами выделяется три этапа, включающих: 1) профессиональное самоопределение (выбор профессии на стадии получения общего образования); 2) профессиональное образование; 3) профессиональную адаптацию (вхождение в профессию, профессионализация на рынке труда) (Мищенко, 2020).

Понятие профессиональной мобильности в пространстве теоретического дискурса

Прежде чем мы перейдем к анализу этапов и рисков профессиональной мобильности российской молодежи, необходимо показать, что мы понимаем под самой профессиональной мобильностью и как данное явление представлено в научно-исследовательском дискурсе. Если кратко обозначить направления, сложившиеся в науке относительно данного понятия, то следует обратить внимание на то, что многие современные исследователи в своих работах настаивают на том, что «мобильность становится качеством /свойством / характеристикой личности, которое/ая позволяет субъекту успешно реализовать себя в контексте профессиональной деятельности» (Троицкая, 2014. С. 122). Данный подход, очень популярный в педагогических кругах, значительно отличается от традиционного, сложившегося в социологии, в рамках которого мобильность предстает как перемещение в социальном пространстве (Сорокин, 1992. С. 294). В таком ракурсе профессиональную мобильность до сих пор продолжают рассматривать специалисты, понимая под ней «вертикальное и горизонтальное перемещение личности в рамках социально-профессиональных структур, сопровождаемое адаптацией к окружающей среде на основе позитивной этнической идентичности и этнической толерантности, общекультурных и профессиональных компетенций» (Еремин, 2016. С. 136). Однако подход к мобильности как качеству личности интенсивно заполняет научный дискурс, и в его рамках профессиональная мобильность интерпретируется как явление субъективное, представляющее собой интегральное качество личности, благодаря которому она способна и готова к изменениям в профессиональной сфере, перемене профессионального статуса, профессиональной позиции в зависимости от личностных потребностей, мировоззренческих и ценностных установок, знаний (Игошев, 2014. С. 110).

Среди сложившихся направлений в интерпретации профессиональной мобильности можно выделить также те, в которых она предстает:

– как механизм адаптации, с помощью которого человек может управлять ресурсами субъектности и профессиональным поведением (Дворецкая, 2007. С. 13);

– стратегия адаптации к меняющимся условиям реализации профессиональной деятельности (Сергеева, 2015. С. 89);

– форма трудовой мобильности, которая проявляется в готовности работника к изменениям и перемещениям в профессиональной сфере, а также способности соответствовать требованиям современного общества с его уровнем научно-технического прогресса (Сычева, 2017. С. 171);

– глубинный механизм развития индивида, включающий «качество личности, обеспечивающее внутренний механизм развития человека; деятельность человека, детерминированную меняющимися средой событиями, результатом которой выступает самореализация человека в профессии и жизни; процесс преобразования человеком самого себя и окружающей его профессиональной и жизненной среды» (Горюнова, 2007. С. 65).

Последнее из представленных дефиниций, хоть и несколько громоздкое в своем стремлении охватить многоаспектность профессиональной мобильности, тем не менее очень верное по сути, так как мобильная в профессиональном плане личность, успешно адаптирующаяся к профессиональной среде и ее переменам, преобразовывает тем самым, помимо профессионального, другие миры и стороны социальной жизни.

В нашей социологической трактовке профессиональная мобильность молодежи рассматривается как процесс ее перемещения в социально-профессиональной структуре общества, определяющий социальное положение молодежи в зависимости от изменения профессионального статуса в границах выбранной профессиональной траектории. Данная интерпретация предполагает вариативность и альтернативность в формировании профессиональной траектории и восприятии ее результатов, поскольку мобильность молодого специалиста как его способность и готовность адаптироваться к условиям изменчивой профессиональной среды предполагает различные варианты решений, принимаемых в процессе корректировки профессиональной траектории, вплоть до смены вида профессиональной деятельности. И сегодня ученые не склонны давать резко негативные оценки такому профессиональному поведению, настаивая на том, что процесс профессионализа-

ции в современном мире следует рассматривать как множественный, предполагающий возможность чередования этапов профессионализации и депрофессионализации по мере смены субъектом профессиональной деятельности вектора профессиональной траектории (Фадеева, 2014).

Этапы профессиональной мобильности российской молодежи: характеристика ключевых рисков

Итак, как мы обозначили выше, профессиональную мобильность молодежи можно представить в виде трех этапов, связанных с профессиональным выбором, получением профессионального образования и вхождением в профессию в виде профессиональной адаптации на рынке труда. Каждый из этапов формирует эффект зависимости последующего от предыдущего или предыдущих, но первопричиной последующих профессиональных результатов, шагов, изменений, удач или неудач является именно первый этап – этап профессионального самоопределения, когда осуществляется выбор профессии из всего множества существующих на рынке труда профессий. От того, правильно ли сделан этот выбор, зависит дальнейший путь профессионализации индивида, но зачастую сразу сложно определить, насколько верным был профессиональный выбор, даже если он осуществлялся самостоятельно, с учетом профессиональных предпочтений, интересов и способностей, без давления со стороны авторитетного мнения взрослых.

Хорошо известно, что на формирование личных предпочтений и последующего выбора, в том числе в сфере профессии, оказывает влияние множество факторов, и порой может только казаться, что этот выбор – самостоятельный, а в действительности он стал результатом навязанных стереотипов и мнений в СМИ, в кинофильмах и т. д. Информационное пространство само по себе становится средой формирования профессиональных предпочтений, не всегда соотносимых с личными качествами и способностями индивида, так как во главу ставится прибыльность той или иной профессии. В результате происходит формирование искаженных представлений о престижности профессии и своих возможностях самореализации в ней, следствие чего – ожидаемый эффект в виде неудачного опыта адаптации на рынке труда, что и приводит к решению о выходе из профессии (Мигачева, 2007), а многие так и не пришли в нее, так как не удалось или попросту не решились устроиться работать по специальности.

В условиях российского рынка труда, сложностей трудоустройства, карьерного роста, успешной профессиональной самореализации профессиональный выбор молодежью далеко не всегда осуществляет-

ся самостоятельно – на него влияют установки и предпочтения в мире профессий близких родственников с точки зрения их представлений о профессиональном и связанном с ним социальном благополучии опекаемой ими молодежи. Так, согласно данным ВЦИОМ (2018 г.), среди профессий, которые хотели бы родители для своих детей, наиболее предпочтительными оказались профессии врача, ученого, бизнесмена, госслужащего и военнослужащего (Все профессии нужны, все профессии важны, 2018). По данным «Левада-центра» за тот же год, ситуация примерно такая же, за исключением профессии ученого, которая заняла менее престижную позицию в рейтинге профессий, уступив место профессии юриста, поставленной вместо профессии ученого на второе место (Школьные предметы и профессии, 2018).

Сложности последующего трудоустройства и достижения материального и социального благополучия определяют вектор профессионального выбора и самой молодежи, и беспокоящихся за ее будущее родителей, а потому самые прибыльные профессии, как правило, попадают в рейтинг престижных. Так, согласно данным ВЦИОМ, лидерство по критерию прибыльности профессии сохраняет профессия юриста, а также врача и те, которые связаны с политической сферой деятельности (Престиж и доход: какие профессии выбирают россияне, 2018). Но не всем тем, кто ориентируется на престижность или прибыльность профессии при ее выборе, удается устроиться в выбранной сфере профессиональной деятельности: по данным опроса населения ВЦИОМ (2019 г.), работает по специальности, которой обучался, в настоящее время только каждый второй опрошенный (51 %), что объясняется не работающими по специальности рядом факторов: невозможностью устроиться в рамках полученной специальности или отсутствием работы, соответствующей специальности (30 %), более высокой оплатой труда в другой профессиональной сфере (24 %), а также тем, что в другой сфере профессиональной деятельности им удалось более успешно самореализоваться (20 %) (Большая зарплата или работа по специальности, 2019).

При этом, как отмечают опрошенные ВЦИОМ респонденты, для того, чтобы устроиться работать в новой сфере деятельности, пришлось пройти курсы профессиональной переподготовки (37%), и основная часть из них – это люди с высшим образованием (45%) (Большая зарплата или работа по специальности, 2019), что позволяет поставить вопрос о рисках второго этапа профессиональной мобильности молодежи, связанного с профессиональным образованием. Уже стало аксиомой применительно к российской ситуации на рынке труда, про-

блемам трудоустройства молодежи поднимать вопрос о том, насколько соответствуют качество и уровень образования в России требованиям рынка труда и работодателей к работникам. И в этом плане мнения и позиции исследователей в целом не противоречат друг другу. О разрыве образования и рынка труда, о неспособности российской системы образования формировать конкурентоспособных молодых специалистов пишут многие ученые (Vodenko, 2019), но достаточно просто обратить внимание на факты, а они говорят о том, что даже наличие высшего образования не спасает российскую молодежь от рисков дезадаптации на рынке труда: доля безработных с высшим образованием среди молодых специалистов составляет 48,6 % (Занятость молодежи в мотивационном и структурном измерении, 2017).

Сложности профессиональной самореализации и адаптации на рынке труда, по всей видимости, определяют динамику эмиграционных настроений в России среди различных возрастных категорий населения, прежде всего молодых россиян. Так, по данным «Левада-центра» (2019 г.), полученным в ходе опроса россиян об их эмиграционных настроениях, более половины опрошенных (53 %) молодых людей в возрасте от 18 до 24 лет хотели бы уехать из России, и этот показатель эмиграционных настроений среди молодых россиян является рекордным за последние десять лет (Эмиграционные настроения, 2019).

Очевидно, что речь идет о рисках, формируемых на третьем этапе профессиональной мобильности – профессиональной адаптации, профессионализации на рынке труда, когда от первого трудоустройства зависит очень многое, а именно апробация себя в профессии, ее восприятие уже не теоретически, а практически, оценка своих профессиональных перспектив и установок на будущее профессиональное развитие, ориентации на выстраивание профессиональной траектории (в рамках выбранной профессии или какой-либо иной). Иными словами, первый профессиональный опыт позволяет сопоставить желаемое и действительное и определить дальнейшую траекторию профессионального развития с точки зрения выбора профессионального поля. Но, судя по данным о трудоустройстве по специальности, многие представители молодых специалистов не имеют возможности (или не хотят) получить этот первый опыт, а следствием является кризис профессионализации, который учеными рассматривается в категории депрофессионализации (Мухина, 2017). При этом депрофессионализация не всегда расценивается как явление, навсегда перечеркивающее успешное профессиональное будущее, так как возможен новый виток профессионализации, который снова начнется с выбора профессии,

получения профессиональных навыков и знаний с их последующей апробацией в профессиональной деятельности, и этот виток может оказаться более удачным. Тем не менее сам риск депрофессионализации молодежи, безусловно, не несет в себе положительного контекста, так как самым негативным образом сказывается на социальном самочувствии молодежи, ее социальном настроении, планировании жизненных планов, видении жизненных перспектив, а истоки этого риска мы усматриваем в самом первом этапе профессиональной мобильности – профессиональном самоопределении. Именно тогда делается выбор профессии, закладываются точки профессионального маршрута, намечаются этапы и планы профессиональной траектории.

Выводы

Выделенные этапы профессионального становления и развития молодежи, тесно связанные между собой, детерминирующие всю траекторию профессионализации, характеризуются специфическими факторами рисков профессиональной мобильности. На первом этапе – профессионального самоопределения – эти факторы риска являются производными от уровня самостоятельности и осознанности профессионального выбора, адекватности восприятия будущей профессии ее реалиям, т. е. степени искаженности сформировавшихся представлений о желаемой профессии и возможностей самореализации в ней. Факторы риска на данном этапе профессионального развития молодежи, по сути, связаны с рисками инфантилизации молодежи (Демиденко, 2018). Ее социальная незрелость проявляется во многом в незрелости профессионального выбора, в его несформированности на момент самоопределения в профессии, в неадекватных реалиям представлениях о будущей профессии и способах профессиональной самореализации. Безусловно, эта группа факторов риска не относится только лишь к молодежи – она лишь продукт системы социализации, в том числе профессиональной, а потому ключевым источником рисков в профессиональной мобильности молодежи как на первом этапе, так и на последующих является кризис системы профессиональной социализации и профессионализации молодежи в целом.

Этот кризис заключается в ее несоответствии требованиям мобильного времени, мобильной эпохи. Сам процесс профессиональной мобильности, разделенный нами на три этапа, связывает ключевое явление – мобильность. Она приобретает первостепенное и самостоятельное значение, причем во всех социальных процессах современного мобильного мира (Веселкова, 2011. С. 52), в котором все более отчетливо вырисовывается конфигурация черт и свойств нового типа человека – *Homo mobilis*

(Петренко-Лысак, 2015). Этот тип человека как порождение информационного общества и продукт глобальной информатизации впитал в себя все свойства и проявления техногенной эволюции с доминантной ролью мобильных технологий, постепенно приобретающих модус определителя самой сущности человеческого облика, уже немислимой без мобильной телефонии и (мобильного) Интернета как активных посредников в повседневной реальности современного человечества. Сознание Homo mobilis, по сути своей номадическое, базируется на приоритете таких ценностей, как алокальность, высокая динамика изменений, новизна эмоций, чувств, наличие свободы выбора, но выбора легкого при наличии имеющихся альтернатив, и отторжении всего, что ассоциируется с привязанностью, статичностью, фиксированностью (Бауман, 1995). Номады вписаны в динамику современного мира и стремятся соответствовать духу времени, жить в ногу со временем. Хотим мы этого или не хотим, но надо учитывать парадигмальный поворот, свершившийся в современном мире и обозначающийся как мобильный поворот. Учитывать – не значит идти на поводу у ценностей и принципов Homo mobilis. Учитывать – значит понимать его природу, стремления, желания, модели поведения с тем, чтобы встраивать имеющееся знание в процесс управления профессиональным и в целом социальным развитием молодежи в русле выбранной (важной, желаемой и социально одобряемой) парадигмы общественного развития. Для этого само общество должно иметь четкие ориентиры в своем развитии, видеть горизонты будущего и иметь возможности для приближения к этим горизонтам. Современное российское общество с этой точки зрения можно назвать «слепым обществом». И молодежь в таком обществе не видит не только горизонты его будущего, но и свои собственные горизонты – ее жизненные планы и проекты ограничиваются днем насущным и самыми ближайшими перспективами (Алиев, 2018). Профессиональные планы, увы, не являются исключением.

Литература

Алиев Ш.И. Молодежь как субъект жизненного проектирования в условиях российской реальности // Социально-гуманитарные знания. 2018. № 7. С. 9–16.

Бауман З. От паломника к туристу // Социологический журнал. 1995. № 4. С. 133–154. Режим доступа: <http://jour.isras.ru/upload/journals/1/articles/218/submission/original/218-411-1-SM.pdf>.

Бекоева М.И. Развитие профессио-

References

Aliev, Sh.I. (2018). Youth as a subject of life design in the conditions of Russian reality. *Sotsial'no-gumanitarnyye znaniya*, 7, 9-16. (in Russian).

Bauman, Z. (1995). From a pilgrim to a tourist. *Sotsiologicheskiy zhurnal*, 4, 133-154. Available at: <http://jour.isras.ru/upload/journals/1/articles/218/submission/original/218-411-1-SM.pdf>. (in Russian).

Bekoeva, M.I. (2018). The development

нальной мобильности студентов как условие их адаптации к изменяющимся условиям рынка труда // Балтийский гуманитарный журнал. 2018. Т. 7, № 1 (22). С. 189–192.

Большая зарплата или работа по специальности? Пресс-выпуск ВЦИОМ от 15 апреля 2019 г. Режим доступа: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9655>.

Веселкова Н.В. Новые исследования мобильностей: совпадающие и несовпадающие потоки и социальная компетентность // Журнал социологии и социальной антропологии. 2011. № 3. С. 50–66.

Все профессии нужны, все профессии важны. ВЦИОМ. № 3800. 25 октября 2018 г. Режим доступа: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9392>.

Горюнова Л.В. Составляющие профессиональной мобильности современного специалиста // Известия вузов. Поволжский регион. Общественные науки. 2007. № 1. С. 63–68.

Дворецкая Ю.Ю. Психология профессиональной мобильности личности: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Краснодар, 2007. 25 с.

Демиденко А.С. Социальная инфантильность российской молодежи: специфика научного дискурса // Историческая и социально-образовательная мысль. 2018. № 3. С. 143–149.

Еремин В.В. Социокультурные аспекты профессиональной мобильности современных специалистов // Вестник КемГУКИ. 2016. № 37. С. 132–137.

Занятость молодежи в мотивационном и структурном измерении / М.К. Горшков [и др.]; отв. ред. М.К. Горшков. М.: Ин-т социологии ФНИСЦ РАН, 2017. С. 4–7.

Игошев Б.М. Сущностно-логический анализ мобильности как межнаучного понятия // Педагогическое образование в России. 2014. № 1. С. 105–111.

Мигачева М.В. Сущность и особенности профессиональной социализации молодых специалистов в период трансформаций // Вестник СамГУ. 2007. № 1 (51). С. 95–96.

Мищенко Д.Н. Методологические ори-

of students' professional mobility as a condition for their adaptation to changing labor market conditions. *Baltiyskiy gumanitarnyy zhurnal*, 7, 1 (22), 189-192. (in Russian).

Big salary or job in the specialty? VTsIOM Press Release April 15, 2019. Available at: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9655>. (in Russian).

Veselkova, N.V. (2011). New studies of mobility: coincident and non-coincident flows and social competence. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii*, 3, 50-66. (in Russian).

All professions are needed, all professions are important. VTsIOM. No. 3800. October 25, 2018. Available at: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9392>. (in Russian).

Goryunova, L.V. (2007). Components of professional mobility of a modern specialist. *Izvestiya vuzov. Povolzhskiy region. Obshchestvennyye nauki*, 1, 63-68. (in Russian).

Dvoretzkaya, Yu.Yu. (2007). Psychology of professional personality mobility. (Abstract, Candidate Dissertation, Krasnodar). (in Russian).

Demidenko, A.S. (2018). Social infantilism of Russian youth: the specifics of scientific discourse. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'*, 3, 143-149. (in Russian).

Eremine, V.V. (2016). Sociocultural aspects of professional mobility of modern specialists. *Vestnik KemGUKI*, 37, 132-137. (in Russian).

Youth employment in the motivational and structural dimension. (2017). M.K. Gorshkov et al. In M.K. Gorshkov (Ed.). M.: In-t sotsiologii FNISTS RAN. (in Russian).

Igoshev, B.M. (2014). Essential-logical analysis of mobility as an inter-scientific concept. *Pedagogicheskoye obrazovaniye v Rossii*, 1, 105-111. (in Russian).

Migacheva, M.V. (2007). The essence and features of professional socialization of young specialists during the period of transformation. *Vestnik SamSU*, 1 (51), 95-96. (in Russian).

Mishchenko, D.N. (2020). Methodologi-

ентирь социологического исследования управления профессиональной мобильностью российской молодежи // Гуманитарий Юга России. 2020. Т. 9, № 1. С. 188–197.

Мухина К.С. Депрофессионализация российской молодежи: институциональные факторы воспроизводства // Гуманитарий Юга России. 2017. № 6. С. 242–250.

Невелева В.С., Мордовина Д.А. Новые формы я-документов – репрезентация феномена мобильности // Вестник культуры и искусств. 2017. № 4 (52). С. 103–108.

Петренко-Лысак А.А. Homo Mobilis в транзит(ив)ном потоке мобильных коммуникаций. // Лабиринт 2015. № 3. С. 44–53. Режим доступа: <https://journal-labirint.com/wp-content/uploads/2015/10/3/Petrenko-Lysak.pdf>.

Престиж и доход: какие профессии выбирают россияне? Пресс-выпуск ВЦИОМ от 24 октября 2018 г. Режим доступа: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9387>.

Сергеева Т.Б. Личностная и профессиональная мобильность: проблема сопряженности // Образование и наука. 2015. № 8 (127). С. 81–96.

Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992. 543 с.

Сычева В.О. Проблемы формирования профессиональной мобильности бакалавров // Известия Саратовского ун-та. Нов. серия. Социология. Политология. 2017. Т. 17, вып. 2. С. 170–173.

Тощенко Ж.Т. Прекариат: от протокласса к новому классу. М.: Наука, 2018. 350 с.

Троицкая Ю.В. Профессиональная мобильность: российский и зарубежный опыт оперирования термином // Педагогическое образование в России. 2014. № 9. С. 122–126.

Урри Дж. Мобильности // Мониторинг общественного мнения. 2012. № 5(111).

Фадеева И.М. Профессионализация и депрофессионализация в современном российском обществе: взгляд социолога // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Социальные науки. 2014. № 1 (33). С. 108–113.

cal guidelines for a sociological study of the management of professional mobility of Russian youth. *Gumanitarniy Yuga Rossii*, 9, 1, 188-197. (in Russian).

Mukhina, K.S. (2017). The deprofessionalization of Russian youth: institutional factors of reproduction. *Gumanitarniy Yuga Rossii*, 6, 242-250. (in Russian).

Neveleva, V.S., Mordovina, D.A. (2017). New forms of self-documents - a representation of the phenomenon of mobility. *Vestnik kul'tury i iskusstv*, 4 (52), 103-108. (in Russian).

Petrenko-Lysak, A.A. (2015). Homo Mobilis in transit (ive) flow of mobile communications. *Labirint*, 3, 44-53. Available at: <https://journal-labirint.com/wp-content/uploads/2015/10/3/Petrenko-Lysak.pdf>. (in Russian).

Prestige and income: what professions do Russians choose? VTsIOM Press Release October 24, 2018. Available at: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9387>. (in Russian).

Sergeeva, T.B. (2015). Personal and professional mobility: the problem of conjugation. *Obrazovaniye i nauka*, 8 (127), 81-96. (in Russian).

Sorokin, P.A. (1992). Man. Civilization. Society. M.: Politizdat. (in Russian).

Sycheva, V.O. (2017). Problems of formation of professional mobility of bachelors. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Nov. seriya. Sotsiologiya. Politologiya*, 17, 2, 170-173. (in Russian).

Toshchenko, Zh.T. (2018). Precariat: from protoclass to new class. M.: Nauka. (in Russian).

Troitskaya, Yu.V. (2014). Professional mobility: Russian and foreign experience with the term. *Pedagogicheskoye obrazovaniye v Rossii*, 9, 122-126. (in Russian).

Urry, J. (2012). Mobility. *Monitoring obshchestvennogo mneniya*, 5 (111). (in Russian).

Fadeeva, I.M. (2014). Professionalization and deprofessionalization in modern Russian society: a view of a sociologist. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Sotsial'nyye nauki*, 1 (33), 108-113. (in Russian).

Школьные предметы и профессии. Режим доступа: [https:// www.levada.ru/2018/06/21/shkolnye-predmety-i-professii/print/](https://www.levada.ru/2018/06/21/shkolnye-predmety-i-professii/print/).

Эмиграционные настроения. Режим доступа: [https:// www.levada.ru/2019/11/26/emigratsionnye-nastroeniya-4/](https://www.levada.ru/2019/11/26/emigratsionnye-nastroeniya-4/).

Kaufmann V. Re-thinking Mobility. Contemporary Sociology. Aldershot: Ashgate, 2002.

Vodenko K.V., Gribanov G.A., Chernov K.A., Mukhina K.A. Russian Entrepreneurship in the Context of Socio-Economic Crisis: the Risks of Deprofessionalization // The Journal of Social Sciences Research. 2019. Vol. 5, Iss. 10. P. 1495-1500.

School subjects and professions. Available at: [https:// www.levada.ru/2018/06/21/shkolnye-predmety-i-professii/print/](https://www.levada.ru/2018/06/21/shkolnye-predmety-i-professii/print/). (in Russian).

Emigration mood. Available at: [https:// www.levada.ru/2019/11/26/emigratsionnye-nastroeniya-4/](https://www.levada.ru/2019/11/26/emigratsionnye-nastroeniya-4/). (in Russian).

Kaufmann, V. (2002). Re-thinking Mobility. Contemporary Sociology. Aldershot: Ashgate.

Vodenko, K.V., Gribanov, G.A., Chernov, K.A., Mukhina, K.A. (2019). Russian Entrepreneurship in the Context of Socio-Economic Crisis: the Risks of Deprofessionalization. *The Journal of Social Sciences Research*, 5, 10, 1495-1500.

Поступила в редакцию

30 марта 2020 г.